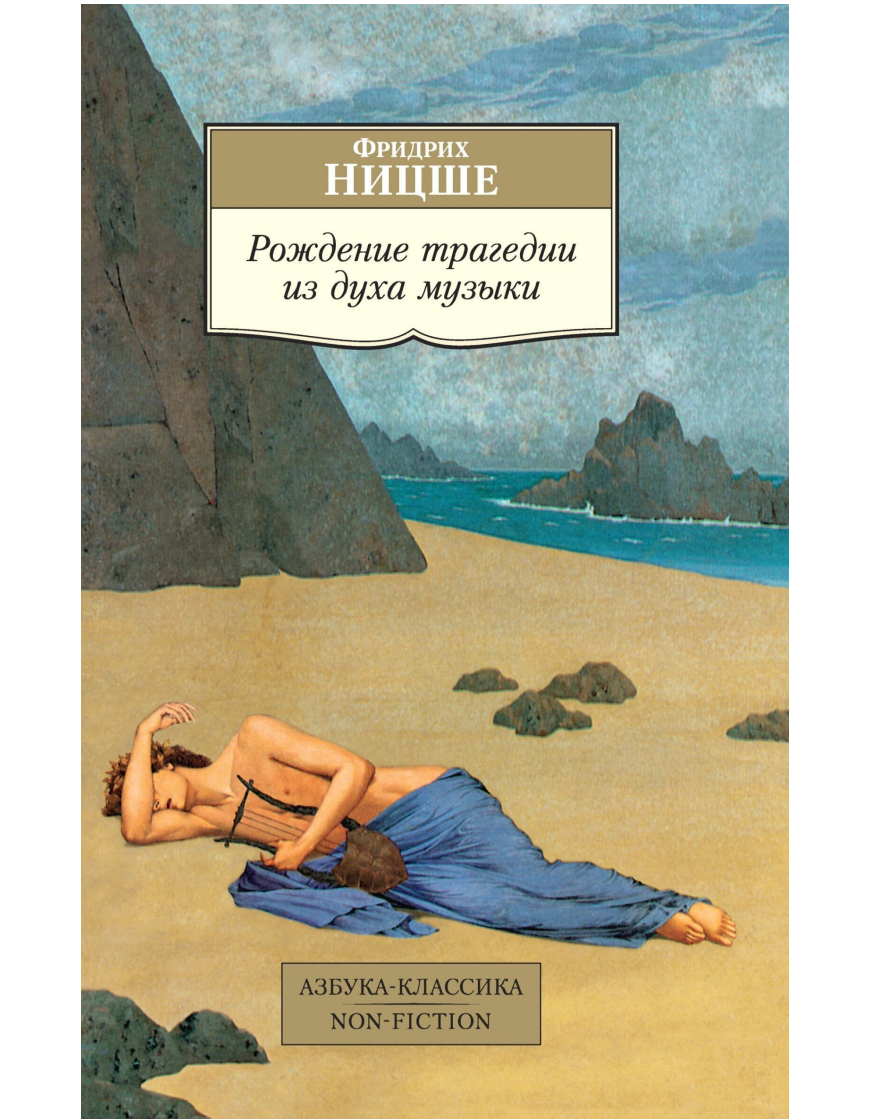

The background of the book cover is a painting of a woman with curly hair lying on her back on a sandy beach. She is wearing a blue, flowing garment and has a lyre resting on her chest. Her right arm is raised above her head, and her left hand is near the lyre. The beach is dotted with dark, jagged rocks. In the background, there is a blue sea and a large, dark, rocky island under a cloudy sky. The overall style is reminiscent of classical or romantic era art.

ФРИДРИХ
НИЦШЕ

*Рождение трагедии
из духа музыки*

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Фридрих Ницше
Рождение трагедии
из духа музыки

Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»

indd предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/11648452>

*Фридрих Ницше Рождение трагедии из духа музыки:
ISBN 978-5-389-21826-0*

Аннотация

<p>Фридрих Ницше – немецкий философ, филолог-классик, поэт, великий ниспровергатель кумиров, антихристианин и нигилист, автор знаменитых трудов, вот уже полтора века волнующих воображение читателей всего мира. Рождение самобытного, оригинального – это всегда скандал и шок. Таково первое произведение философа «Рождение трагедии из духа музыки», оказавшее большое влияние на искусство и философию XX века.</p><p>
</p><p>В формате PDF A4 сохранен издательский макет.</p>

Содержание

«Страсти» по Ницше	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Фридрих Ницше

Рождение трагедии

из духа музыки

Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»

Перевод с немецкого Григория Рачинского
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

© Б. Г. Соколов, предисловие, послесловие, комментарии,
2000

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

«Страсти» по Ницше

Писать о Ницше трудно... – нет, не то слово, – мучительно трудно. Ибо это требует полной отдачи. Полной отдачи «энергетически». Если нет полной отдачи, то лучше вообще не писать о Ницше, лучше отойти в сторону... «Против» ты или «за» Ницше – какая разница? Главное не быть равнодушным. Может, даже лучше, если «против», ибо враг, если вспомнить Ницше, – это лучший друг. Друг, который успокоит, который утешит и поддержит, разве он подлинный друг? Друг – это вопрос перспективы. Друг – это тот, кто делает тебя и лучше, и сильнее, кто помогает твоему росту, кто превращает твоё существование в борьбу с самой собой, в борьбу на пределе, кто помогает, заставляя переступать предел. С «точки зрения перспективы» враг – это подлинный друг, ибо подлинным другом, а значит, подлинным благом является для нас лишь тот, кто заставляет нас быть начеку, кто не дает передышки, кто вынуждает быть в постоянном напряжении. Сильное, напряженное «против» – это «за». Поэтому лучше ненавидеть Ницше, чем быть к нему равнодушным, поскольку равнодушие – это бессильное ничто, это усталость и лень духа.

Невозможно даже читать Ницше отстраненно и безжизненно, кабинетно-научно. Ницше затягивает и зачаровывает. С ним можно не соглашаться, даже не принимать его...

Но, отвергая что-либо в Ницше, нельзя отринуть самое существенное в его жизни и творчестве – чистоту, бескомпромиссность, искренность, желание идти до конца, до предела. Путь Ницше – это путь к пределу, и не случайно, что, работая на пределе человеческих сил и возможностей, он дошел до этой опасной черты: десять лет безумия в конце жизни...

Следствие любого контакта с текстами Фридриха Ницше – все, что угодно, только не равнодушие. Все, что угодно, амплитуда довольно широкая: неприятие, отрицание, восторженность, злоба, боготворение. В этом отношении Ницше «заражает», ибо он сам – все, что угодно, только не равнодушие и угодливая всепрощительность. Его тексты – один из которых ты, читатель, сейчас держишь в своих руках, – неудобны и колючи, ершисты, они «топорщатся» острыми «углами» и ранят ими читающего, и в этом они лишь повторяют «кровавую мистерию» жизни великого «ниспровергателя кумиров».

Да, тексты Ницше ранят. Но эта кровь – кровь самого Ницше. Ибо Ницше писал кровью. Любой его текст написан его кровью и его жизнью. И не по капле – одна, половинка, еще одна, – но целым потоком, тем потоком, который, выкачав из него все силы в предельном напряжении жизни и творчества, выбросил его на свалку «безумия».

Сказать, что Ницше недомогал, что он был слаб здоровьем, – ничего не сказать о тех постоянных муках, которые подчас приносило Ницше его существование. Боль не оста-

навливала. Останавливала лишь непереносимая боль. Сам Ницше насчитывал до 200 дней в году, когда рвота, потеря зрения, нестерпимые головные боли делали из существования пытку, когда смерть казалась избавлением от мук. В редкие дни, недели, когда наступало улучшение, Ницше творил, творил самозабвенно, как истинный художник. Боль, возможно, заставляла ценить редкую возможность писать, и его тексты доносят до нас эту боль и борьбу с ней, они хранят борьбу за жизнь, борьбу за власть над собой, борьбу «вопреки»...

* * *

Трудно писать о Ницше еще и потому, что необходимо ответное напряжение. Ницше «зовет» к сотворчеству, и эта возможность сотворчества заражает и зачаровывает. Ницше, подобно водовороту, «затягивает», но «затягивает» читателя не только тем, что заставляет видеть мир его глазами, использовать его схемы, но и своей «допредельной» искренностью, а также тем, что заставляет *видеть* мир, а не «глазеть» на мир. Видеть – это всегда творение, это всегда со-творение.

Заметим, что важнее не то, *что* сказал Фридрих Ницше, но *как* он сказал. Это вопрос стиля. Вопрос темпа и искренности. То, *что* сказал Ницше всем своим творчеством, возможно, не так уж и ново. Если перечислить основные лейтмотивы его творчества, то мы, если и не поставим под сомне-

ние его оригинальность, по крайней мере можем без труда «вписать» его в ту западноевропейскую традицию, на которую он яростно нападал, т. е. сделать из него «одного из». Один из известнейших мыслителей XX века Мартин Хайдеггер в своей работе «Европейский нигилизм» перечисляет пять рубрик, пять тем, наиболее значимых в работах Фридриха Ницше. Это – нигилизм, переоценка ценностей, воля к власти, вечное возвращение и сверхчеловек. Кстати, работа Мартина Хайдеггера – счастливое исключение из «научно-добротных» работ о немецком мыслителе. Ему удалось почти невозможное: рассуждать со свойственной немцам дошностью о «певце Диониса» и быть ему конгениальным. Возможно, это произошло потому, что с Ницше Хайдеггер обращается как с дохлой собакой, которую, как известно, можно положить куда угодно, а именно вписывает «систему Ницше» в канву собственного видения движения западноевропейской мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.